

сионизме, сюрреализме и др. Эти и подобные им течения действительно отрицали окружающую реальность и, ставя своей задачей передать сверхчувственное, прибегали к деформации, искажению реальных предметов. «То, что экспрессионизм хочет написать, нарисовать, изваять, — писал один из буржуазных исследователей этого течения, — это — метафизический, божественный след на вещах». «Все создания экспрессионизма... сознательно или бессознательно перебрасывают мост к метафизике. Думали, что чем больше абстрагировать, тем ближе подойдешь к метафизике».⁵⁴

Некоторые историки искусства, как уже говорилось, в самом деле пытаются сблизить древнерусское искусство с искусством экспрессионизма.

Но если искусство древней Руси действительно заключает в себе перечисленные и приписываемые ему свойства, то, спрашивается, какую ценность может оно иметь для нас и какое место может оно занять в художественном наследии нашего народа?

Авторы, высказывания которых были только что приведены, несомненно признают величие художественной культуры древней Руси и мировое значение древнерусского искусства. Однако, вопреки такому признанию, их истолкование этого искусства ставит под большое сомнение ценность последнего, и Н. Н. Коваленская, например, вполне логично пришла однажды к выводу, что это искусство, несмотря на «огромное мастерство, которого достигли его художники», содержанием своим «нам не только чуждо, но и враждебно».⁵⁵

Но спросим: на чем основываются те советские историки искусства древней Руси, которые дают ему подобное истолкование?

Надо признать, что их объяснение этого искусства так же произвольно, как произвольны были и предшествующие истолкования.

Ни авторы, суждения которых были приведены в качестве примера, ни другие авторы, придерживавшиеся той же точки зрения на сущность древнерусского искусства и здесь не упомянутые, не высказывали своего отношения к интерпретации этого искусства буржуазными историками и философами дореволюционной России и современного Запада. В данном случае нет необходимости выяснять, как и почему сложилось у некоторых советских историков искусства то понимание искусства древней Руси, о котором идет здесь речь: возникло ли оно под влиянием теории и практики буржуазного искусства конца XIX—XX вв. или имеет какие-либо иные объяснения. Но необходимо указать, что это распространенное в нашем искусствознании истолкование древнерусского искусства никем и никак не обосновано, что никто никаких доводов в подтверждение его никогда не приводил. Это истолкование не является результатом конкретного и тщательного анализа, но прилагается к древнерусскому искусству без каких-либо доказательств.

Однако такое истолкование не находит себе подтверждения в фактах и последние противоречат ему. Вопреки утверждению его авторов, мистицизм в общем был чужд общественному сознанию древней Руси: он свойственен последнему лишь в той степени, в какой он свойственен всякой религии, вере. «Русский народ не таков: — писал В. Г. Белинский, — мистическая экзальтация не в его натуре, у него слишком много для этого

⁵⁴ W. Hansenstein, Ueber Expressionismus in der Malerei. 1918 (цитируется по русскому переводу: В. Гаузенштейн. Экспрессионизм в живописи. Сб. «Экспрессионизм». Пгр.—М., 1923, стр. 167—168).

⁵⁵ Путеводитель по искусству феодализма. Составила при участии сотрудников секции феодализма Н. Коваленская Государственная Третьяковская галерея. ОГИЗ, М., 1934.